

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
К88

Художник
Валерий Калныньш

Кубраков, Д. М.

К88 Ваня-Любана в стране вежливых людей : роман-памфлет / Дмитрий Михайлович Кубраков. — М. : Время, 2020. — 240 с. — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-1953-6

Это сатирический роман-памфлет о прелестях диктатуры просвещенных силовиков в одном отдельно взятом государстве. В нем с документальной точностью описаны несколько дней из жизни Вани и Любы Козловых — первых разнополых сиамских близнецов в истории человечества. Ребята появились на свет в результате секретного научного эксперимента, целью которого было вывести новую породу россиян, свободных от традиционных русских недугов и пороков, чтобы заселить ими Луну сразу после ее добровольного присоединения к РФ. Но американская разведка не дремлет и вынашивает коварные планы похищения наших чудо-близнецов. Что из всего этого получилось — читайте, смейтесь и плачьте!

Для взрослых, не растерявших чувство юмора, и для думающих подростков от 16 лет и старше.

ISBN: 978-5-9691-1953-6

ББК 84(2=411.2)6

© Дмитрий Кубраков, 2020
© «Время», 2020

— ...В желтую комнату за черной фатой, вот куда. Клава-шалава, ну какая же ты все-таки су...

— Кто-кто-кто я?

— ...Су-су-сухая нянька, вот кто! Черствая ты, понятно? Как лимонная долька под столом. А я-то думала, что беременные намного добрее становятся. На целый живот! Вот... Я тебя просила не будить нас в полвосьмого хоть раз в году? А, Клав? По-хорошему просила? — из темного угла раздосадованно и напористо вопрошает капризный девчачий голосок. — Хоть в Деньрождения выспаться имеем право ребенка? А?! Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

— Ну царевна моя, ну кисло-горько-сладкая моя, ты же знаешь, что у нас режим дня и ночи — это святое дело, — виновато запричитала няня Клава. — Куда ни глянь, куда ни плюнь — всё строгого режима. И спальня строгого режима, и классы строгого режима. Даже игровая — и та строгого режима! Может, теперь послабления какие будут — у вас ведь первый юбилей сегодня! Не малыши уже, пять лет от роду — срок-то серьезный. В пять лет люди полками командовали...

— Ой, как здорово! А кто командовал?

— Не помню, Любаш. Кажется, Будда-царевич. И еще наш государь-император Петруша Первый.

— Эх, Клава, а мне такой сон приснился... Прямо взрослый. Такой волшебный! Там был тоже царевич, а может, принц. Настоящий, красивый-красивый, стройный-престройный, синеглазый-зеленоглазый. И рядом с ним шел Единорог, весь белый, с длинной-предлинной гривой. И у него рог прямо светился. И этот принц взял меня и посадил на этого Единорога, и мы...

— Кончай врать. С самого утра уже начинаешь, — пробурчал в том же темном восьмом углу чей-то другой голос, сонно-хрипловатый и явно мальчишеский. — Никакой он был не принц, а больше на бай-байкера похож, весь в та-тухах, и серебряный череп на чеши. Сорри — череп на цепи. И никакого белого Единорога тоже не было, зато был черный-черный супербайк, и он тебя правда посадил, на черное сиденье. А ты была какая-то большая, но охала и хихикала как маленькая. А он сел к рулю задом, к тебе передом, и вы... и вы...

— Заткнись, Ванька, гад! — гневно перебил уже знакомый нам девчачий голос. — Опять мои сны подсматривал через замочную скважину? Я тебе сколько раз говорила, что нельзя! Я запрещала по-хорошему? Самому никогда ничего не снится — значит, можно в чужие сны залезать?

— Я не нарочно. Там не скважина, там такая извилистая щель, и в нее все само видно, даже если не смотреть. Но она так редко открывается...

— А мне плевать, скважина там, или щель, или малюсенькая щелочка! Не лезь в мои сны, понял? А если не понял, я тебе тогда такое... такой ужасик присню, что ты от страха опять пи-пи начнешь прям в кроватку. И на тебя снова памперсы наденут, как на пупсика.

— Да? А я тогда опять начну во сне ногами дрыгать и зубами стучать. Вот так... — в темном углу раздались жуткие звуки, от которых мурашки по любой спине побегут, — как будто острым отломком белой пуговицы по стеклу стучат и режут.

— Брр. Ах так?! А я тогда...

— Всё, завелись детки в клетке. Вы еще подеритесь в день рождения, — по-хозяйски вмешалась няня Клава. — Не стыдно? А ну, кончайте эту вакханалию! Садитесь лучше, праздничную михстурку выпейте натошак. Да не перепутайте смотрите: Любви сто грамм малиново-успокоительной, Ивану столько же томатно-взбодрительной. На здоровье! А я солнышко пойду впущу. Утро сегодня — прямо как в раю на Пасху...

Няня Клава подошла к окну, уперлась округлившимся солнечным животиком в подоконник, дернула за веревочку — и через раскрывшиеся жалюзи внутрь полезли наглые лучи и давай освещать каждый угол спальни. А особенно ярко — самый дальний и самый темный восьмой, из которого только что доносились два скандалящих детских голоса.

...На широкой, низкой и страшно мятой кровати сидят рядом двое, мальчик и девочка. Даже слепому сразу станет ясно, что это брат и сестра. И не просто брат и сестра, а близнецы. Они похожи друг на друга, как два листика с одной ветки одного огромного дуба. Но двух одинаковых дубовых листьев не бывает, и двух одинаковых близнячьих лиц тоже. Брат чуть худее сестры и ниже миллиметра на три, зато у него во рту на целых два молочных зуба больше! Зато у нее на носу больше веснушек, штук на десять. Только они там почти не видны. Потому что братик беленький, а сестренка — черненькая. Точнее, нежно-молочно-шоколадная. Это не от загара, она такой родилась. Скажете, не бывает таких близнецов? Спокойно, у нас в России и не то еще бывает.

...А глаза у них одинаковые — синие-синие. Как небо сквозь тюремную решетку.

Но как-то странно они сидят. Чересчур близко, вплотную друг к другу. Братья и сестры, даже близнецы, даже самые дружные в мире, рано утром спозаранку так не сидят. А Ваня с Любой по-другому не могут. Даже если очень захотят — не получится. Потому что они не просто близнецы. Они близнецы сиамские, сросшиеся друг с дружкой головами — от виска и почти до затылка.

Сиамские близнецы время от времени появляются на свет, их принято считать печальной ошибкой природы. Но до сих пор этой ошибкой всегда становились либо два брата, либо две сестры. Ваня-Любаня Козловы — первые сиамские брат и сестра на земле. И они никакая не ошибка природы, а наоборот — выдающееся достижение отечественной науки, о котором не должны пока знать даже наши друзья. А наши враги — тем более.

Знают про Ваню-Любаню всего человек двадцать пять — двадцать семь. Это служба вместе с поварами, служба безопасности вместе с охраной, няня Клава, педагоги-воспитатели, научно-исследовательская группа. Все подписку давали о неразглашении. И еще несколько больших мрачных начальников, которые сидят в Москве в мрачном Большом доме с огромной серой тарелкой на крыше. И еще один Веселый Начальник всех больших мрачных начальников великой страны — он как будто тоже в курсе.

Считается, что Ваня-Любаня — круглые сироты, никого у них нет на всем белом свете. И сами они так думают.

А сегодня у ребят день рождения, пять лет им стукнуло. Хотя выглядят они на все семь, а по умственному развитию тянут лет на девять с половиной! И еще у них есть такие способности, которых у других детей вообще не бывает, ни в пять, ни в десять, ни в тридцать, ни даже в семьдесят пять годков.

Но Ваня с Любой об этих своих необычных способностях пока мало что знают. О некоторых даже не догадываются. Потому что способности эти в них еще крепко спят или чутко дремлют.

Ничего, скоро жизнь разбудит...

ГЛАВА ВТОРАЯ ПОЧТИ ОБЫЧНОЕ УТРО

Сегодня ночью произошло маленькое, никем не замеченное чудо: Люба впервые в жизни увидела себя во сне отдельно от Вани. Его там даже рядом не стояло! А ведь раньше ей снились только они вместе, в своем натуральном сиамском облике. Всегда. Жаль, ребята еще слишком малы, чтобы понять всю важность этого события. Но самое удивительное, что это разъединение случилось как раз накануне их первого юбилея. Неужели просто совпадение? А может, кто-то девочке подарок такой во сне подбросил? Словно под подушку подложил тайком...

Когда няня Клава вышла из спальни, братец Ваня привычно взял с круглой прикроватной тумбочки серебряную монету размером с небольшую медаль. За эту двухрублевую монету настоящий коллекционер-нумизмат выложил бы миллиона два! Потому что ровно пять лет назад было выпущено всего пятьдесят таких монет, специально в честь появления на свет Вани-Любани. Спереди на этой редчайшей двухрублевой монете сияет не цифра «2», а «1 + 1». А сзади вместо обычного двуглавого орла изображены мальчик и девочка с общей головой и двумя лицами, повернутыми в разные стороны. Хотя у настоящих Вани-Любани лица совсем рядом и смотрят в одном направлении. Это художник слегка перефантазировал.

— Бросим жребий, кому сегодня чистить зубы, делать зарядку и мыть ноги перед сном? — привычно предложил Ваня, зажав монету в правой ладонке.

— Не-а, — ответила Люба с хмуро-серьезным выражением шоколадного лица. — Больше никаких жребиев. Мы что, маленькие? Нам теперь пять плюс пять равняется десять. Вторая десятка пошла. Предлагаю — с этого дня каждый сам чистит зубы, честно моет ноги и делает зарядку. Согласен?

Если бы Ваня мог, он бы сейчас повернулся лицом к сестре и заглянул ей в глаза, пытаясь понять — это шутка или всерьез. Но Ваня так не может, поэтому он выдвинул из круглой тумбочки квадратный верхний ящик, достал оттуда треугольное зеркало, поставил его перед собой и перед сестрой, чтобы оба видели свое отражение, и только тогда сделал удивленное выражение лица.

— Ты серьезно? — молча спросил Ваня.

— Апп-салютно. И вообще, хватит уже дурака валять. Пора за ум браться. Я за свой возьмусь, а ты берись за свой, по-хорошему советую, — тоже молча ответила Люба, придирчиво разглядывая себя в зеркало. А потом, смешно наморщив коричневый веснушчатый носик, вдруг добавила, уже вслух:

— Вот интересно, нам сегодня опять один подарок на двоих подарят, как на прошлый Деньрождения? А вдруг тебе один, а мне какой-то совсем другой? А?

Ваня как-то отчужденно пожал свободным правым плечом и убрал зеркало обратно в ящик. Левое Ванино плечо не свободно — оно упирается в Любкину правую острую лопаточку.

...В прошлый раз им подарили настоящий двухместный автомобиль на четырех колесах и с большим черным рулем посередине, и они все лето и половину осени гоняли на нем по территории. Ваня крутил руль свободной правой рукой, а Любаня — свободной левой. А остальные две руки у них болтаются без дела за спинами друг у друга и больше похожи на тонкие розовые ласты. Из-за перепонки между пальцами. Их и руками-то назвать нельзя — так, недоручки какие-то.

— Мне нашей мамы-биоробота так не хватает... Особенно в праздники, — вдруг ни с того ни с сего тихо призначалась Люба, следя за солнечным зайчиком в пятом углу. — Ты веришь, что ее тогда не смогли починить? Может, просто не захотели? Сделала свое дело — и пошла на эти... как их, на запчачасти. И почему-то не осталось

ни фотки, ни видика с мамкой... Клава хорошая, добрая, но это совсем другое, правда?

Ваня кивнул. И почувствовал, как что-то большое и теплое перекатилось ему на левую щеку и медленно стекает вниз. Вот умеет Любасик слезу пустить в самый неподходящий момент.

— Если ее вдруг починят, — шмыгнув носом, добавила девочка, — то я к ней подойду, посмотрю прямо в глаза и спрошу: ты зачем, сука, нас таких родила? Спицально или по ошибке?

— Она-то тут при чем? Она не хотела, — сказал Ваня и бережно приобнял сестру за плечо левой ластой-недоручкой. — Ладно, пошли в лезунас.

И пошли. Лезунас — это, конечно, санузел, только наоборот. Ребята его между собой так называют, чтобы никто не догадался. Он совмещенный — это вполне уютная, вся в разноцветных плитках комната, в центре которой красуется белоснежный двухместный затину в форме сплющенной гитары. (Ребята боятся — а вдруг когда-нибудь и правда возьмет и затянет?..) Еще там есть круглая ванна и овальная раковина-умывальник, а главное — квадратное зеркало в полстены. Сходили по-маленькому, почистили зубы, умылись. Вытираются, каждый своим полотенцем.

— Давай сегодня без зарядки? Все-таки Деньрождения... — молча предложил Ваня, с надеждой глядя в сестричкины неподкупные глазищи в зеркале.

— Обнаглел совсем? — молча возмутилась Люба, смерив братца резко повзрослевшим взглядом. — Я таких

ленивцев еще в жизни не встречала! Мы что, зарядку для дяди Воваси делаем? Мы же для себя же, чтобы у нас все правильно росло и это... развевалось. Помнишь, что доктор Смертин обещал? Что если мы правильно вырастем и сформулируемся, то нас от шестнадцати до восемнадцати будут разделять на два нормальных человека. По сантиметрику. И доктор уверен, что жить будем! Идиот, я только ради этого все терплю, понял? А то давно бы прямо тут бы утопилася. Буль-буль-буль — и все, свобода.

— Ага, так я тебе и дал в ванне утопнуть, дура. Совсем буль-буль? — молча сказал Ваня, с интересом посмотрел на сестренку в зеркало и кончиком своей розовой ласты покрутил ей у левого виска.

— Шуток не понимаешь? — скорчила Любка странную улыбку. И нарочно громко прикрикнула: — Ну-ка, мальчик, шагом марш в спортзалчик!

Пока неразлучная парочка направляется в спортзал, необходимо сделать три коротких пояснения.

Первое. Вся территория корпуса А нашпигована подслушивающей и подсматривающей аппаратурой, всякими «жучками-паучками» и скрытыми видеокамерами. Они установлены везде, даже на кухне. Даже в спальне! И на всякий случай даже в туалете. Об этом ребятам проболтался добрый младший надсмотрщик Сережа, когда выпил немного лишнего в День дурака. С тех пор самые важные темы Ваня-Любаня обсуждают молча, глядя друг на друга в зеркало и понимая друг друга без слов. У некоторых пар такая способность возникает после тридцати трех лет совместной жизни, а у ребят

возникла после трех, резко и без спросу. Кстати, утром 2 апреля протрезвевший Сережа был с треском уволен дядей Вовасей.

Второе. Дядя Вовася — это главный резидент секретного объекта «Резиденция “Сиам-13”», где уже пять лет безвылазно живут Ваня-Любаня. Резиденция спряталась за высоким забором с колючей проволокой, в дремучем лесу в очень дальнем Подмоскovie. На самой северной окраине, почти на границе с Тверской областью. Дядю Вовасю никто не видел, но он точно где-то здесь, все видит и слышит и в курсе всего, что происходит на каждом квадратном сантиметре его территории. А территория приличная, соток двадцать пять. Кличка, а точнее, оперативный псевдоним дяди Воваси — Гудвин. Каждый день, кроме воскресенья, он в 8:30 утра проводит в овальном зале корпуса Б летучку-пятиминутку, причем не по скайпу, а живьем, в виде строгого голоса откуда-то сверху. И когда он по-вышает на кого-то этот свой голос, у всех дрожат и потеют руки и ноги. У всех, кроме доктора медицинских наук, профессора А. Я. Смертина.

И третье пояснение. Доктор Смертин — руководитель секретной лаборатории, где в результате сверхсекретного эксперимента появились на свет Ваня-Любаня. И он единственный человек в «Сиаме-13», на которого дядя Вовася за эти пять лет еще ни разу не повысил свой страшный голос. И единственный, кто с Гудвином на «ты».

Когда вошли в спортзал, Люба вдруг говорит:

— Ладно, Ванёк, так и быть, по случаю Деньрождения сделаем самую простую разминочку. На зарядку-лайт станю-вись!

Вот хлебом сестрицу не корми — дай покомандовать. Но с зарядкой сегодня быстро управились. Двадцать пять приседаний на двух, трех и четырех ногах, двадцать отжиманий на обеих руках, пять раз по металлическому шесту до потолка и обратно, хулахуп с одним, двумя, тремя, четырьмя, пятью обручами, сальто с переворотом на козле, десять подтягиваний и три «солнышка» на перекладине. Только и всего. Даже вспотеть не успели.

И без десяти девять уже сидят в лаборатории, нетерпеливо ерзая и вертясь на двухместном троне. Трон там не простой, а пластмассово-стальной, хай-тековский — нафаршированный всевозможными электронными датчиками, которые измеряют кучу Вань-Любаниных показателей: пульс, давление обычное и внутричерепное, частоту и глубину дыхания, вязкость крови и слюны, кислотно-щелочной баланс, баланс добра и зла в головном мозге, чистоту и загрязненность чувств, температуру тела и души... и дают еще много разной ценной информации.

А оттуда бегом в игровую — там уже столы для пинг-понга сдвинуты и накрыты для праздничного завтрака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СВЕЧКИ, МАСКИ, ФАНТИКИ

— Бэм-бэм-бэм-бэм-бом-бом-бом-бам-бу-у-у-ум-блямс! — это куранты пробили девять раз, и в распахнувшиеся двери вломилась толпа радостных сотрудников резиденции «Сиам-13» в карнавальных костюмах и звериных масках. А что удивляться, народ подобрался в основном молодой, большинству и тридцатника нет. И давай Ваню-Любаню обнимать-поздравлять-желать! Даже под потолок несколько раз подбросили. Вот только подарков пока нет. Хоть бы шоколадку черно-белую кто подарил...

Наконец появляется великолепная пятерка с кухни. Впереди повар Тигран и повариха Тамара, а за ними повара — Славик Белков, Владик Желтков и Рита Закусон, — обливаясь потом, тащат на тележке праздничный торт, полтора метра в диаметре, метр в высоту. Торт сделан по спецзаказу юбиляров: птичье-молочная половина — для Любани, наполеоновая — для Вани. И горят на том торте пять толстых свечек, все съедобные: зефирная, безешная, шоколадная, марципановая и самая вкусная — помадная с цукатами.

— А задувать как будете? — крикнул кто-то из толпы в маске крокодила.

Вопрос непростой, можно сказать, с подковыркой. Два года назад трехлетний Ванечка задул все свечки с первой попытки — метким пердопуком метров с трех. Потом игровую комнату весь день и всю ночь проветривали!

А в прошлый раз Любаша задула все свечки тоже с первой попытки — четким визгокриком, с семи метров. У нескольких человек тогда барабанные перепонки в ушах полопались!

Но сегодня ребятам даже как-то стыдно и неловко вспоминать свои дурацкие детские фокусы. Повзрослели они. Люба скромно пару раз ресничками похлопала — свечки вздрогнули и мигом задулись. Все облегченно вздохнули, зааплодировали.

— Гляньте, Ванюшка первый раз с зимы улыбается, — прошептала красивая математичка Сонечка своим коллегам, природоведье Еве Львовне и новой музыкантше-певичке Сюзанне Игоревне. Хотя какая она новая — месяца три уже оттрубила.

...Ваня любил старую, прежнюю. Молодую. Самую прекрасную. Ирину Николаевну. Ох, как любил! Как еще никого в этой жизни. Он научился одной правой так играть на фортепиано, как другому и тремя руками в жизни не сыграть! Он уже начал осваивать балалайку, помогая себе вместо левой руки левой ногой. Он с первого раза выучил цикл негритянских спиричуэлс из пяти песенок, и сестренка только подпевала да еще подыгрывала подходящим цветом лица. Бог ты мой, как они свинговали с Любкой в этом цикле, а капелла и под аккомпанемент Ирины Николаевны, — вся свободная обслуга под окнами собиралась! Бисировали по несколько раз.

И все эти музыкальные подвиги — только ради того, чтобы видеть, как Ира улыбается. И от этой сдержанной радостной улыбки у нее в глазах зажигаются солнечные зайчики, от которых у Вани глубоко внутри тоже что-то

такое зажигается, отчего становится хорошо-хорошо. Так сладко, что даже есть, пить и спать совсем не хочется. И Ира это замечает, она это чувствует — Ваня знает... А Любка ни о чем таком даже не подозревает, хотя вечно где-то под боком болтается. Это только их с Ирой тайна. Была.

Недолго музыка играла. В сентябре Ирина Николаевна не вышла после каникул на занятия. Говорили — заболела, лечится, не сдается, химия, облучение. В самом начале зимы она вдруг пришла похудевшая, с коротко остриженными волосами под платочком. Провела несколько занятий. Как Ваня старался! Он эти три дня был гением, настоящим самородком. Моцартом и Робертино в одном флаконе! И улыбка на любимом лице появлялась почти такая же, как раньше. А в глазах уже все по-другому было. Темно, непонятно и страшно. В феврале Ирина Николаевна умерла в тридцать четыре года.

С того черного снежного февраля музыка для Вани перестала существовать. Он на занятиях с Сюзанкой рта ни разу не раскрыл, ни к одному инструменту не притронулся. Присутствует как глухонемой довесок к родной сестре и только морщится иногда от ее вдохновенного громогласного музицирования.

...Да, а подарков-то все нет и нет (торт ведь не считается).

Стали играть в игру «Маска, я тебя знаю!». Игра серьезная, на деньги. Двенадцать взрослых дуралеев в картонных масках устроили вокруг ребят скачущий звериный хоровод — и как начнут рычать-мычать, выть, реветь, и гоготать, и гавкать, ме-е-екать-кукарекать, и хрю-хрюкать,

и мяукать! Но маленьких Ваню-Любаню не испугаешь и не проведешь, они людей насквозь видят. Любую маску пристальным взглядом просвечивают, кто бы там за ней не прятался.

Клыкастый свирепый кабан — это на самом деле оказалась приветливая медсестра Варя. Под маской серого волка — главный киберохранник Сева Зайцев. Бык — дворник-грузчик-разнорабочий Алтынбай Раздолбаевич. Кот — ближний телохранитель лейтенант Огурцова, а пес — дальний телохранитель лейтенант Огурцов. Кстати, молодожены. Их и по фигуре можно угадать... Овечка — неутомимая уборщица-посудомойка-прачка-маляр-швея Гуля, Айгуль Алтынбаевна. А медведь — банщик-массажист Харитоныч, здоровенный дядька с бандитской рожей и самыми добрыми в мире руками.

В общем, всех ребята распознали, кто под масками скрывался. И от каждого угаданного получили по тысяче рублей. Такие правила. Один лишь крокодил в маске старшего надсмотрщика Стукаченко не заплатил. Или Стукаченко в маске крокодила? Кто их там разберет... У него наличных, видите ли, не оказалось, только банковская карточка. Жмот. Зато петух — сантехник Мамука Папукашвили — показал трюк невиданной щедрости и протянул ребятам новенькую купюру аж в пятьсот долларов!

Все были счастливы! Кроме Вани-Любани. Потому что — ну зачем им эти весело хрустящие фантики? Никаких магазинов на территории «Сиам-13» нет, а в дремучем лесу вокруг — тем более. Для ребят здесь все бесплатное: и учеба, и еда, и медицинское обслуживание.

А подарков все нет и нет.

А может, их уже не будет? Поздравили, поиграли-потрепались, пожрали торт и быстро разбежались? До следующего Деньрождения? Ваня почувствовал, как слева от него начинают набухать слезы и сопли. Еще несколько минут, и они с ревом прорвутся наружу, забрызгивая праздничный стол вместе с празднично сидящими гостями. Только скандала ему не хватало! Сеструха — мастер на эти дела...

И вдруг что-то взорвалось совсем рядом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДАРОК № 3

Без паники, это не Любаня — это торт взорвался. И из самой его серединки как ракета вылетел тот, кого все так ждали, сделал кувырок над столом и мягко приземлился перед юбилярами, обдав их волной своего знаменитого одеколона «Служу Отчизне!». Да, так вкусно пахнет только он — лучший друг всех сиамских близнецов во Вселенной, маленький человек с большим авторитетом, кап-майор Белкин-Летягин! Ростом он не вышел — метра полтора без фуражки. Но в эти крепенькие румяные полтора метра вмещается столько доброты и отзывчивости, храбрости, юмора, смекалки, такта, ума и фантазии! И много-много чего еще.

— Торт — объединение, половину изнутри слопал, пока сидел. Вы уж извините... — виновато шепнул кап-майор Ване-Любане, вытер салфеткой лицо со следами торта и стал ждать, когда радостный галдеж за столом утихнет.

Но шум не стихал, и тогда Белкин-Летягин выстрелил из пистолета в жирную навозную муху, прилетевшую сюда из кухни. Муху он легко ранил в ухо, зато в игровой комнате моментально воцарилась звенящая тишина.

— Дамы и господа, товарищи-резиденты, разрешите мне обронить пару слов виновникам нашего торжества, — откашлявшись, начал он. — Ребята, ну чего греха таить, вы большие молодцы. Первую пятилетку отработали просто на отлично. Скажу честно — никто не ожидал. По показателю ай-кью вы опережаете девяносто девять и восемь десятых процента своих сверстников. Рядом с вами обычные, нормальные дошколята — откровенные дебилы, ать-два. По семи зимним и тринадцати летним видам спорта вы уже сейчас на уровне кандидатов в мастера спорта, это тоже супердостижение. Ваши паранормальные способности мы только начали изучать — но и тут уже есть кое-какие интересные результаттики. Многообещающие, хм... Но это все ерунда! Потому что тот, у кого хорошо работают мышцы и мозги, — это еще не человек. Не обязательно человек... Он может быть и биороботом последнего поколения. Или там маньяком и отморозком неисправимым. А человек — это тот, у кого душа работает. Как говорится, и день и ночь, ать-два, и день и ночь. Как показала наша прослушка и подглядка, ваша душа — не лентяйка, не халтурщица, она трудится и во сне и наяву. Настоящая работающая человеческая душа, ребята!

— Слушай, а у нас с тобой же вроде две души. А, Вань? И разные совсем... — прошептала Люба. — А Белкин правда думает, что она у нас одна на двоих, типа общая? Во дурачок!

— Да тихо ты, дай послушать, — Ваня ткнул сестру плечом в лопатку.

— У вас есть взаимовыручка! — взволнованно и вдохновенно продолжал кап-майор. — У вас есть тайны от нас. И даже начинают появляться маленькие секреты друг от друга! У вас есть вопросы, на которые мы пока не можем ответить. Или не хотим. И у вас есть такие мечты, которые многим из нас даже не снились! Короче, Ваня-Любаня — вы настоящие, ать-два! И я пошел бы с вами в разведку...

— Пойдешь, когда Родина пошлет... — громыхнул вдруг откуда-то сверху страшно вежливый голос, от которого задрожали руки и уши, рюмки и бутылки, окна и стены. Это вмешался дядя Вовася по прозвищу Гудвин. — Хватит комплиментов, майор, ты мне детей испортишь. Переходи к подаркам.

— Перехожу, товарищ надполковник, — кивнул в потолок Белкин-Летягин и спрыгнул со стола. — Хоп! Значит, так. Сегодня все уроки отменяются! А с завтрашнего дня вы будете изучать только те предметы, которые захотите. И сможете сами выбирать себе преподавателей! Ну как вам первый подарок?

— Круто, — выдохнул Ваня, не веря своим ушам.

— Идем дальше, ать-два. Мы тут посоветовались и решили, что хватит уже вам сидеть взаперти, будто попугайчикам в золотой клетке. Пора выходить в свет, находить